

Кухня архитектора

Пушкинский музей открыл выставку Джакомо Кваренги

Вчера в Пушкинском музее открылась выставка «Гармония вкуса. Рисунки Джакомо Кваренги из муниципальных собраний Италии». Около 130 рисунков: архитектурных фантазий и чертежей. В том числе — проекты некоторых его петербургских построек.

Известия 2003 — 15 июля с 10

Николай МОЛОК

Выставка имеет три раздела: «каприччо» (то есть капризы — причудливые архитектурные фантазии), проектные чертежи (не то, что сегодня называется ТЭО — технико-экономическим обоснованием, а наброски) и эскизы интерьеров и мебели. Рисунки по преимуществу небольшие (20–30 см) и черно-белые (тушь, карандаш), но есть и цветные (акварель).

Кваренги — один из самых блестящих русских архитекторов (в Россию он приехал в 1779 году, был придворным архитектором Екатерины, Павла и Александра и построил у нас столько, сколько другому итальянцу не снилось; умер он в 1817 году и был похоронен в Александро-Невской лавре). Самое знаменитое его здание — впрочем, скорее не по архитектурным причинам — Смольный дворец. Еще были десятки настоящих шедевров русского классицизма.

Но Кваренги был еще и великолепным рисовальщиком, принадлежавшим к традиции европейского, в первую очередь итальянского, рисунка эпохи неоклассицизма. В российских музеях хранится около 600 его рисунков. 130 привозных дополняют картину. Впрочем — и в этом трагедия вы-

ставки, — как раз по ним о мастерстве Кваренги-рисовальщика судить невозможно. На вернисаже одна из музейных сотрудниц высказалась в том смысле, что архитектурный рисунок труден для восприятия — его надо не смотреть, а тщательно рассматривать, работать, а не наслаждаться. Правда, да не совсем.

Рисунок для архитектора — во все не то же самое, что рисунок для живописца. Это отнюдь не только подготовительный эскиз, на основе которого пишется картина и по которому затем исследователи будут реконструировать процесс его творчества. Для архитектора рисунок — это самостоятельное творчество. Чертежи в расчет не берем — они действительно нужны лишь строителям да исследователям. Но помимо чертежей архитекторы — особенно эпохи Кваренги — любили рисовать пейзажи, ведуты (то есть городские виды), гротески (то есть орнаментальные композиции) и, прежде всего, архитектурные фантазии.

Самым главным фантазером был Джованни Баттиста Пиранези, очаровавший не одно поколение любителей прекрасного своей серией гравюр «Тюрьмы». Глядя на эти странные композиции, состоящие из лестниц, ведущих в никуда, бесконечных арок, множась пространства, тонущих в черноте крошечных фигурок «плени-

ков», никогда не догадаешься, был ли Пиранези архитектором или художником. А если узнаешь об этом, то воскликнешь: «Так это же нельзя построить!». Пиранези действительно построил всего одно здание. Но его рисунки и гравюры и не были предназначены для строительства — они были экспериментами, легшими в основу всей последующей архитектурной истории (не говоря уже о том, что он был кумиром Эйзенштейна, и кадры лестницы в «Потемкине» явно сошли с гравюр Пиранези). И тем не менее его рисунки — сугубо архитектурные. У него архитектурное, а не художественное видение: глаз архитектора замечает не цвет, а пространство, фиксирует не атмосферу природы, например, а ее конструкцию.

На Пиранези учились многие. И любимый Екатериной Клериссо, и любимый Павлом Тонзага, и любимый Александром Кваренги. Но Кваренги был архитектором-практиком. Потому в его фантазиях нет такой завиральности, артистичности и драматургии, как у Пиранези. Он не экспериментировал, он просто рисовал. И очень красиво. Несколько таких рисунков есть и на выставке в Пушкинском музее (например, вид Башни-руины в Царском Селе). Но остальное — чертежи и наброски — довольно скучно. Кухня архитектора, во-первых, не всегда привлекательна, а во-вторых, не предназначена для такой музейной публикации. Так что разговоры о сложности восприятия рисунка оставим на совести музейных сотрудников — просто показывать надо другое.